

ПЕРЕВОДНАЯ ЦЕРКОВНАЯ КНИЖНОСТЬ И ЕДИНСТВО ЦЕРКОВНОЙ ТРАДИЦИИ

К. А. Максимович
(ИРЯ РАН, ПСТГУ)

МЕФОДИЕВСКИЕ ПЕРЕВОДЫ ВИЗАНТИЙСКИХ ПРАВОВЫХ ТЕКСТОВ

Древнейший памятник права на славянском языке «Закон судный людем» представляет собой весьма свободный перевод отдельных глав знаменитого византийского юридического сборника — «Эклоги» императоров-иконоборцев Льва III и Константина V¹. Известны три редакции «Закона судного» — Краткая, Пространная и Сводная, из которых лишь первая является древнейшей и оригинальной, а остальные представляют собой плод ее переработки на русской почве в XIII — нач. XV в.² В дальнейшем при ссылках на «Закон судный» мы будем молчаливо подразумевать эту древнейшую, краткую редакцию памятника.

Краткая редакция состоит из 32 глав, из которых 10 представляют собой очень близкий к оригиналу перевод «Эклоги», а 20 других — ее более или менее свободное переложение с существенными дополнениями. Для двух статей оригинал не обнаружен³ — возможно, их автором был сам составитель «Закона судного» либо они были интерполированы позднейшим редактором.

«Закон судный» составляет 46-ю главу официального кодекса Русской Православной Церкви — «Кормчей книги», где он носит название «Законъ судный людемъ царя Константина Великаго»⁴.

Здесь не место подробно излагать историю изучения и издания «Закона судного» — достаточно отослать читателя к классическим работам Й. Вашицы, Сергия Троицкого и др.⁵ Отметим лишь основные точки зрения на происхождение памятника.

Болгарская теория происхождения «Закона судного» возникла еще в XIX в. и с тех пор имела своих приверженцев главным образом среди болгарских ученых⁶. Согласно некоторым адептам этой теории, памятник возник в правление царя Бориса (852–889), крестившего Болгарию в 864–865 гг.⁷ Такие ученые, как Р. де Хубе, Ф. Ф. Зигель, Т. Д. Флоринский, Т. Сатурник, относили «Закон судный» к эпохе царя Симеона (893–927). Наконец, просто X веком датировали текст А. С. Павлов, Г. Вернадский, К. Кадлец. В новейшее время болгарскую теорию отстаивали болгарские ученые М. Андреев и В. Ганев⁸. Представители болгарской теории анализировали «Закон судный» только на уровне содержания. По их мнению, тот факт, что памятник сохранился только в поздних русских списках XIII–XIV вв., не позволяет с доверием относиться к формально-языковой стороне этого памятника и делать вывод о его происхождении на основе лексико-грамматических критериев. Болгарские ученые исследовали не *текст* «Закона судного» (который прежде необходимо было реконструировать), а избыточные неточностями и описками *рукописи* «Закона судного». Это было крупной методологической ошибкой: в настоящее время ясно, что невозможно исследовать содержание памятника

¹ Лучшее издание с подробным введением: Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos' V. / L. Burgmann, Hrsg. Frankfurt am Main, 1983 (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte; 10).

² Закон судный людем краткой редакции / М. Н. Тихомиров, ред.; М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов, изд. М., 1961. С. 7–34.

³ *Žužek I. Kormčaja Kniga: studies on the Chief Code of Russian Canon Law. R., 1964 (Orientalia Christiana Analecta; 168). P. 85.* Речь идет о статьях 2 и 7а.

⁴ Ibid. P. 85–86.

⁵ *Vašica J. Origine cyrillo-méthodienne du plus ancien code slave dit «Zakon sudnyj ljudem» // Byzantinoslavica. 1951. T. 12. P. 154–158; Вашица И. Кирилло-мефодиевские юридические памятники // Вопросы славянского языкознания. М., 1963. Вып. 7. С. 12–33; Vašica J. Zakonъ sudnyj ljudъmъ — Soudnn zákoník pro lid // Magnae Moraviae Fontes Historici. Brno, 1971. T. 4. S. 147–177; Троицкий С. В. Св. Мефодий как славянский законодатель // Богословские труды. М., 1961. Т. 12. С. 83–124. Хороший обзор литературы вопроса представлен в: Zakonъ sudnyj ljudъmъ (Court Law for the People) / Н. W. Dewey, А. М. Kleimola, trans., comm., intr. Ann Arbor, 1977 (Michigan Slavic Materials; 14). P. V–XXII. Полная библиография по памятнику «Законъ судный людемъ» см.: Bibliographie zur Rezeption des byzantinischen Rechts im alten Rußland sowie zur Geschichte des armenischen und georgischen Rechts / L. Burgmann, Н. Kaufhold, Hrsg., А. Bozozjan, I. Čičurov, S. Goginava, K. Maksimovič, J. Ščapov, Mitwirk. Frankfurt am Main, 1992. S. 49–60.*

⁶ Подробный обзор мнений с указанием литературы см. в работе: *Vašica. Zakonъ sudnyj... S. 147, pozn. 1.*

⁷ См.: *Лутаврин Г. Г. Религия и политика в Болгарии накануне и в период утверждения христианства (VIII — конец IX в.) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 92–95; Койчева Е., Кочев Н. Болгарское государство с середины VIII до конца IX в. // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991. С. 58.*

⁸ Последний выпустил комментированное издание ЗСЛ, ср.: *Ганев В. Законъ соудный людьмъ. Правно-исторически и правно-аналитични проучвания. София, 1959.*

без предварительного текстологического исследования и реконструкции первоначальной формы текста. Методологические упущения привели к многочисленным неточностям в интерпретации «Закона судного» и, как следствие, к полной дискредитации болгарской теории, которая в настоящее время практически не имеет сторонников в научном мире⁹.

Моравская теория основана на трудах чешского лингвиста и историка Й. Вашицы, который обоснованно критиковал представителей болгарской теории, во-первых, за ошибки в понимании текста «Закона судного» (степень славянизации которого они переоценили настолько, что зачастую толковали трудные места, даже не обращаясь к греческой «Эклоге»), а во-вторых, за пренебрежение формальными критериями при атрибуции и датировке текста. Вашица основывался на работах русских исследователей кон. XIX — нач. XX в. Н. С. Суворова, нашедшего в «Законе судном» следы западно-католического права¹⁰, и А. И. Соболевского, который обнаружил в нем термины, неизвестные южнославянским текстам, зато представленные в западнославянских (моравских) памятниках¹¹. Развивая идеи этих ученых, чешский лингвист установил новые лексические и грамматические моравизмы в «Законе судном» и так называемом «Номоканоне Мефодия», показал тематическое и языковое родство этих памятников с древнейшими славянскими текстами моравского происхождения — Паннонским житием Мефодия, Анонимной гомилией Клоцова глаголического сборника, Киевскими листками и Фрейзингенскими отрывками¹². Реконструкции Вашицы окончательно подтвердили существование моравского этапа в истории текста «Закона судного», дали новую информацию о моравской разновидности церковнославянского языка, а предпринятое им в 1971 г. комментированное критическое издание «Закона судного», хотя и не свободно от недостатков, тем не менее является на сегодняшний день непревзойденным¹³. На основании некоторых языковых и литературных данных Вашица приписывает «Закон судный» перу самого Константина Философа и относит его создание ко времени моравской миссии братьев, т. е. к периоду 863—867 гг.¹⁴

Моравская теория заслуженно получила высокую оценку в научном мире¹⁵.

В настоящем докладе мы хотели бы привести некоторые новые данные в пользу атрибуции Закона Судного одному из братьев — просветителей славян.

Принадлежность Закона Судного кирилло-мефодиевскому кругу несомненна — об этом говорят не только моравизмы в языке памятника, наличие которых считается одним из наиболее надежных признаков древности текста, но и некоторые другие особенности языка и переводческой техники. Так, «Закон судный» содержит ряд терминов, имеющих бесспорно кирилло-мефодиевский характер: *вѣру яти* (кому-л.), *неприязнь* и производные, *проклять* (*anathema*) и др. Переводческая техника «Закона судного» отличается стремлением к точности и в то же время определенной вольностью, обилием случаев смыслового перевода, для чего переводчик не останавливался перед сокращением или, наоборот, распространением греческого оригинала. Подобное стремление к ясности при полном отсутствии буквализма нам знакомо из кирилло-мефодиевских переводов евангелий.

Перевод «Закона судного» практически лишен неточностей, что свидетельствует о превосходных познаниях переводчика как в греческом, так и в славянском языках. В переводе широко используются смысловые ресурсы обоих языков — как исходного, так и переводящего. Все эти особенности переводческой техники позволяют заключить, что создатель «Закона судного» был образованным византийцем с прекрасным знанием славянского языка — иначе говоря, он был билингом. Все это вполне соответствует тому, что известно о языковых познаниях Кирилла и Мефодия.

Итак, если в кирилло-мефодиевском происхождении «Закона судного» в настоящее время практически нет сомнений, то напрашивается вопрос, кто же из солунских братьев — Кирилл или Мефодий — является автором этого переводного памятника. Из источников мы знаем, что переводами византийских юридических сборников занимался именно Мефодий — согласно главе 15 его Паннонского жития, он перевел греческий Номоканон. Этот перевод (о котором будет сказано ниже) дошел до нашего времени в составе двух русских кормчих. Примечательно, что те же кормчие содержат и «Закон судный», причем в рукописях он

⁹ См. убедительную критику болгарской теории в работе: *Procházka V. Tři nové marné pokusy o prokázání bulharského a makedonského původu Zakona sudného ljudem* // *Slavia*. 1964. Т. 33. С. 262—266.

¹⁰ *Суворов Н. С.* Следы западно-католического церковного в памятниках древнего русского церковного права. Ярославль, 1888. С. 7—90.

¹¹ *Соболевский А. [И].* Церковно-славянские тексты моравского происхождения // *Русский Филологический Вестник*. Варшава, 1900. Т. 43. С. 169—171.

¹² *Vašica.* Origine cyrillo-méthodienne... P. 159, 163, 165; *Idem.* Zakonъ sudnyi ljudьmъ... S. 161—171.

¹³ *Idem.* Zakonъ sudnyi ljudьmъ... S. 178—198. В дальнейшем все ссылки на ЗСЛ даются по этому изданию.

¹⁴ *Idem.* Origine cyrillo-méthodienne. P. 173; *Вашица.* Кирилло-мефодиевские юридические памятники... С. 33; *Vašica.* Zakonъ sudnyi ljudьmъ... С. 176.

¹⁵ Ср.: «The Moravian theory is still the most convincing» (*Zakonъ sudnyi ljudьmъ (Court Law for the People)*... P. XII).

сразу следует за Номоканоном. Напрашивается вывод, что Мефодий был автором не только Номоканона, но и «Закона судного».

Тем не менее ряд исследователей склонялись к тому, чтобы приписать авторство «Закона судного» Константину-Кириллу. Аргументы в пользу этого взгляда наиболее отчетливо сформулировал Вашица, однако его доказательства страдают непоследовательностью, а иногда и неаккуратностью, что негативно отражается на их доказательной силе. Так, Вашица признает, что язык «Закона судного» весьма близок к т. н. «Анонимной гомилии» Клоцова сборника, автором которой считается Мефодий. Однако вместо того, чтобы признать и «Закон судный» мефодиевским памятником, Вашица находит различия в переводе одной-единственной евангельской цитаты в обоих текстах и на этом основании спешит отказаться от авторства Мефодия и приписать «Закон судный» Константину-Кириллу. Ср.: Мф 25. 23, *надъ мнозѣми тя поставлю* (καταστήσω) (Клоц. За19) и *въ мнозѣ васъ устрою* (Закон судный людем).

Возможность позднейших редакторских исправлений в «Анонимной гомилии» при этом почему-то вообще не была принята в расчет. С другой стороны, Вашица наблюдает определенные сходства в лексике «Закона судного» и некоторых славянских литургических переводов (Киевские листки, литургия Василия Великого). Бездоказательно объявляя эти памятники переводами Кирилла, он и «Закон судный» приписывает ему же, объясняя, таким образом, одно неизвестное через другое. Подобные доказательства, разумеется, едва ли можно принимать в расчет для атрибуции «Закона судного».

Проведенное нами исследование юридических новшеств, восходящих к переводчику, показало следующее.

В отличие от византийской «Эклоги», которая зачастую назначает наказания, далекие от евангельского милосердия, «Закон судный» демонстрирует склонность к мягким, не карающим, а скорее воспитывающим мерам борьбы с грехами славянской паствы. В качестве альтернативных наказаний здесь иногда предписываются церковно-дисциплинарные средства воспитания — пост, изнуряющий плоть, покаяние, вызывающее отвращение к повторению греха, и общественное мнение, которое неизбежно воздействует на грешника благодаря публичности покаяния (ст. 6, 7, 15).

В отдельных случаях автор «Закона судного» сохраняет денежные и имущественные штрафы «Эклоги», но старается при этом поставить лиц юридически и социально незащищенных в возможно более выгодные условия (ср. косвенное уравнивание обрученных замуж девушек с замужними женщинами в ст. 10). Ст. 1 и 4 в соответствии с принципом христианской благотворительности предписывают отдавать нищим средства, полученные от конфискаций имущества и продаж в рабство.

Ст. 16 «Закона судного» резко ужесточает наказание Эклоги за насильственное удаление из церкви лица, желающего укрыться в ней от преследования, — такое ужесточение предпринято, очевидно, в интересах гонимых с целью ограничения произвола власть имущих.

В отдельных случаях сохранены телесные (ст. 13 — за двоеженство, ст. 24 — за кражу оружия в походе, ст. 26 — за однократный угон скота, ст. 28 — за похищение священной утвари из храма) и увечные наказания Эклоги (ст. 11 — урезание носа за блуд с чужой невестой). За изнасилование девицы (ст. 9) или несовершеннолетней (ст. 10), кражу коня в походе (ст. 24), трехкратный угон скота (ст. 26), ограбление могил (ст. 27) и храмов (ст. 28), порабощение свободного (ст. 29) назначается продажа в рабство, тогда как Эклога предусматривает отрезание носа (ст. 9, 10), отрубание рук (ст. 24, 26, 27, 29) или ослепление (ст. 28). Таким образом, в «Законе судном» обнаруживается тенденция назначать в качестве наказания за преступления против личности и собственности (особенно «божественной» — храмов и священной утвари) продажу в рабство (аналог римской *capitis deminutio maxima*).

Широко применявшиеся в Византии и предписываемые Эклогой позорящие наказания в «Законе судном» опущены (ст. 8).

Знакомство автора «Закона судного» с принципами римского права можно видеть в ст. 1 (переложение статьи юстинианова Кодекса), а также в ст. 8. Здесь за блуд с девицей назначается такое же альтернативное (церковное) наказание, как за блуд с рабыней в ст. 4 и 5. Налицо присущее в отдельных случаях и римскому праву сходство в положении рабов и подвластных детей, которые выступали как *personae alieni iuris*¹⁶.

Примечательно, что при всех отступлениях от Эклоги важнейший принцип римского и византийского права — не налагать более одного наказания за одно преступление — соблюдается автором «Закона судного» неукоснительно.

Отметим, наконец, что тенденция «Закона судного» к назначению церковных наказаний «воспитательного» характера, а также отстаивание интересов Церкви (ст. 1, 16, 28) свидетельствует о пастырском статусе его автора — он, скорее всего, занимал высокую церковную должность.

¹⁶ Ср., например: *Новицкий И. Б.* Римское право. М., 1994. С. 54 и 68.

Перевод «Закона судного» практически лишен неточностей, что свидетельствует о превосходных познаниях переводчика как в греческом, так и в славянском языках.

Итак, что можно сказать об авторе на основании юридического и лингвистического анализа памятника? В целом автор действует в духе византийского светского законодательства, часто смягчая его строгость принципами христианского милосердия, демонстрирует безукоризненную юридическую грамотность, а иногда даже превосходит в юридическом отношении свои византийские образцы (ст. 9 и 10). Блестящее знание греческого языка (практически полное отсутствие ошибок при переводе) заставляет видеть в авторе образованного представителя византийской культурной элиты. Не менее блестящее владение славянским языком (тонкий учет оттенков значений, прозрачный синтаксис, искусный подбор простых славянских эквивалентов к сложным греческим терминам без ущерба для смысла) указывает на то, что автор был византийским славянином-билингвом. Наконец, автор «Закона судного» активно отстаивает имущественные интересы и авторитет Церкви (ст. 1, 16, 28), а также устанавливает альтернативные Эклоге церковные наказания (ст. 4, 5–8, 10, 15), что может свидетельствовать о его принадлежности к высшей церковной иерархии.

Все эти данные заставляют отвергнуть точку зрения Вашицы (и многих его предшественников) о том, что автором «Закона судного» был Константин-Кирилл. Во-первых, переводам Кирилла не свойственно столь свободное отношение к переводимому тексту¹⁷. Во-вторых, в своих евангельских и богословских переводах Кирилл, в отличие от автора «Закона судного», охотно прибегал к калькированию и заимствованиям из греческого. В-третьих, Кирилл никогда не принадлежал к церковной иерархии. В-четвертых, автор «Закона судного» обнаруживает прекрасные способности администратора и неплохое знакомство с римским правом, тогда как Кирилл был известен только как философ, богослов и полемист.

Все эти соображения заставляют отдать авторство «Закона судного» не Константину–Кириллу, а его старшему брату Мефодию. Именно Мефодий отличался административными талантами и в молодости руководил славянским княжеством, получив там немалый административный и юридический опыт, а затем был игуменом в монастыре Полихрон¹⁸. Он был, с одной стороны, образованным гражданином Ромейской державы, а с другой — уроженцем славянизированной Фессалоники, т. е. билингвом. С 870 г. он занимал высокую иерархическую должность архиепископа Паннонии. Если наши рассуждения верны и «Закон судный» действительно был создан в бытность Мефодия архиепископом, то участие в этой работе Кирилла, умершего в 869 г., следует исключить.

Если же «Закон судный» был создан Мефодием до 869 г., то некоторая причастность Константина-Кирилла к созданию первого юридического памятника славян вполне возможна.

Что же касается второго из паннонских памятников юридического содержания — «Номоканона», то его атрибуция Мефодию в научной традиции практически не знает исключений. В самом деле, в гл. XV Пространного (Паннонского) жития Мефодия прямо говорится о том, что последний перевел «Номоканонъ, рекше Закону правило». Научными исследованиями было установлено, что этот моравский «Номоканон» представляет собой перевод византийского сборника канонов, известного в науке под названием «Собрание (Синагога) 50 титулов» Иоанна III Схоластика, Константинопольского патриарха в 565–577 гг. После А. С. Павлова (Павлов 1869, 22–23) научная традиция единогласно приписывает авторство моравского Номоканона первоучителю славян Мефодию.

При переводе Схоластикова «Собрание 50 титулов» подверглось существенному сокращению — из 377 канонов греческого текста было опущено 142. Следовательно, как и в случае «Законом судным», славянский переводчик стремился к созданию достаточно компактного юридического кодекса и опускал второстепенные правила, переводя лишь самое необходимое.

«Номоканон Мефодия» представляет собой сборник канонов для церковного употребления. В рукописях к нему примыкает светский судебник, в роли которого выступал «Закон судный людем». Такая структура буквально повторяет структуру ранних византийских номоканонов, в которых церковно-каноническая часть дополнялась выборками из юстиниановского церковного законодательства. Таким образом, между 870 и 885 гг. в результате переводческой деятельности первоучителя славян и архиепископа Паннонского Мефодия по византийскому образцу, но с многочисленными новшествами был создан первый Номоканон на славянском языке, пригодный как для церковного, так и для светского судопроизводства.

¹⁷ В переводах Св. Писания Кирилл иногда прибегает к описательным и адаптирующим эквивалентам — однако господствующим методом евангельских переводов был совершенно нетипичный для «Закона судного людем» *пословный перевод*, ср.: *Верещагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян: Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971. С. 23–69. Совершенно несвойствен Константину-Кириллу и *дополняющий перевод*.

¹⁸ Житие Мефодия II, IV // *Лавров П. А.* Святые Кирилл и Мефодий первоучители славянские: Книга для чтения по истории Средних веков. М., 1897. С. 70, 71.